

ПОПУТЧИК

АНАСТАСИЯ ПЕРНОВА

Родилась и живет в Новосибирской области. Автор трех романов. Лауреат Национальной молодежной литературной премии, финалист премии А.И. Назинцева, лауреат III степени

нонкурса «Русский Гофман». Рассказы входили в шорт-листы нонкурса «Нубон Брэдбери» и литературной премии имени А.И. Левитова. Работает редактором в новосибирском издательстве «ИРГА».

Саша торопливо шагала вдоль канала Грибоедова. Желтые, оранжевые и розовые дома словно стискивали ее с двух сторон. Наверное, так же себя чувствовал закованный в гранит канал. На ходу Саша жевала наспех сделанный сэндвич. Опять не успела позавтракать. Опять проспала. Опять проплакала всю ночь. Она глянула на часы и прибавила шаг. Опоздает, точно опоздает.

А все Матвей. Свечку подарил вчера, такую, в стаканчике. Пахнет нежно – пачули и... еще что-то там. Зачем только она к нему спустилась? Не надо было, нехорошо это. Повезло, что Юрка в ночную – можно плакать и не спать. Прятаться не надо, объяснять ничего не надо, выдумывать.

Саша спешила на работу, в школу №255 Адмиралтейского района. «С углубленным изучением предметов художественно-эстетического цикла», как не забывал упомянуть директор при каждом удобном случае. Первым уроком сегодня пятиклашки, а преподает она историю и культуру Санкт-Петербурга. Такой вот предмет. Это тебе не «историчка» и уж тем более, боже упаси, не «математичка». Правда, ученики за глаза называли ее Императрицей. Это Матвей однажды рассказал, но Александра Федоровна не обиделась.

Матвей – ее выпускник. Он в одиннадцатый перешел, когда Саша сразу после института к ним попала. Четыре года пролетели, а они так и об-

щаются. Переписываются, видятся иногда, гуляют. Его семья переехала из Казани, а Саша родилась в Питере, да еще и преподает такой предмет. Она все-все про город знает, могла бы экскурсии водить. Матвей любит ее слушать, а Саша отвлекается изо всех сил на исторические здания, пытаюсь унять отбивающее дробь сердце, и молится, чтобы Матвей не вздумал взять ее за руку или еще что-то в этом роде. Он никогда себе ничего такого и не позволял. Может, это она только, вот дурочка! Саша и не знала, что любовь может давать такое вдохновение, такое ощущение полета. Да что она знала о любви раньше?

Ноги на автопилоте свернули на Фонарный переулок. На пешеходном через Декабристов горел зеленый – какая удача! Всего два перекрестка, и она на месте. Над дорожным полотном занес ногу мужчина. Занес – и не двигался. Стоя впол-оборота к Саше, он хитро смотрел на нее и сально улыбался.

«Ну все, сейчас пристанет. Скажет что-нибудь или схватит», – подумала Саша, моментально делая вид, что ничего и никого вокруг не замечает и очень торопится.

Мужик не двигался, зеленый горел, Саша шла. Ну и тип. Полосатая майка-алкоголичка, обтягивающая круглое пузо, нестриженные светлые кудри и выражение лица городского сумасшедшего. Хотя

нет, больше похож на маменькиного сынка, которому на девушек смотреть запрещают, а он, поди ж ты, насмелился и пялится. Ну что за противная улыбка, надо же! Сейчас что-нибудь скажет, вот сейчас, вот...

Саша поравнялась со странным пешеходом. Плечи передернулись, кожа покрылась мурашками. Она ждала подвоха: слова, движения, прикосновения. Ничего. Быстро перебежав по зебре, не оглядываясь, но чувствуя спиной взгляд (маньяк!), Саша еще прибавила шагу. Снова посмотрела на часы – без пяти. Да она ведь комкает в руке пакетик от сэндвича! На ходу глянув по сторонам, Саша свернула к ближайшему дому и бросила мусор в урну. Вместе с этим движением расстегнулся ремень красивых наручных часов от Michael Kors, которые подарил муж. Часы соскользнули с запястья и полетели вслед за пакетиком, звякнув о пустую пивную банку.

«Какая плохая примета, ну какая же плохая примета! А вообще часы дарить нельзя, это к... да к чему же? В общем, к чему-то. Вот Юра подарил, а они убежали. Причем в мусорку. Время уходит. Точно, уходит. Трачу время на него. Вот и часы того же мнения».

Цена, конечно, у часов не запредельная, но для бюджета Саши и Юры все равно приличная. Так что надо доставать. Юра вообще-то последнее готов на нее потратить. Не муж, а сокровище. Отпускает, куда бы ни захотела, даже одну за границу на отдых, когда сам не может составить компанию. Он хороший, заботливый.

«Бери, не думай. Смотри, какой парень. Как бы не прощелкать такой шанс», – говорила мать. И Саша взяла. Не думая. Никто до этого ее так не любил, как Юра. И вообще никак не любил. Ну что теперь-то ей нужно?

Как с Матвеем поговорить? А вдруг она для него просто друг и старший товарищ? Вот именно, старший. Он же мальчишка. Что он может ей, Саше, дать? У него ветер в голове. Саша даже к гадалке ходила – переложить ответственность за свой выбор. Гадалка так и сказала: мол, Матвей для семейной жизни не годится, а самый лучший человек уже рядом. Ага, пусть скажет это крыльям за ее спиной, которые рядом с Юрой складываются и втягиваются обратно.

Откопав в мусоре злосчастные часы и щедро сбрызнув антисептиком их, а заодно и руки, Саша продолжила путь, больше не торопясь. Так и так опоздала. Какая теперь разница – на пять минут или на пятнадцать.

Странно, но переулочек она не просто не узнавала, а видела впервые. И перекресток с Пирогова куда-то делся. Наверное, сама не заметила, как проскочила его, занятая обеззараживанием часиков. Впереди между зданиями поблескивала под утренним солнцем Мойка.

Саша развернулась и пошла назад, но школы не было. Дошла до улицы Декабристов – перекресток не тот. Снова развернулась, прошла обратно к реке. И наконец подняла голову на табличку с адресом. Переулок Матвеева, дом два. Что? Как это?

– Матвеева? Серьезно? – вскричала Саша, распуговив голубей и чаек.

Это же совсем в другой стороне. Она никак не могла попасть сюда, ведь шла не сворачивая. Саша глянула на сине-зеленый циферблат злополучных Michael Kors, узором напоминавший павлиньи перья. Восемь ноль-ноль. Как? Как за пять минут она перескочила через несколько переулочков влево? Почему ни разу, пока бежала, не обратила внимания на адресные таблички?

Мужик на перекрестке виноват. Саша не представляла, каким образом, но это точно он виноват. Стоп. А чего он вообще стоял, занеся ногу над зеброй? Почему не шел? А... где другие были? Машины, пешеходы – где? Это же утро, без пяти восемь. Все на работу опаздывают. Машины сигналили бы, как сумасшедшие, вздумай кто тупить на краю проезжей части ни туда ни сюда. Перекресток был совершенно пустой – Саша только сейчас поняла это. Жутко, безобразно пустой.

* * *

Когда Саше было десять, она дружила с Танькой из пятиэтажки. Танька жила на четвертом. Сашу, привыкшую ездить на лифте на свой десятый, неизменно увлекал подъем пешком на целых четыре этажа.

Длинноногая Танька постоянно перешагивала через две ступеньки, а Саша в это время громко считала: одна, две, три, четыре... У них была традиция: на каждой лестничной клетке задирали головы и смотрели на пролет над головой. Проведя осмотр, Танька загибала палец, отмечая еще один этаж.

В очередной раз добежав до нужного этажа, едва не сбив незнакомого пузатого дядьку и уже почти ткнувшись носом в Танькину дверь, девочки посмотрели вверх... и вместо решетки пятого этажа увидели очередной лестничный пролет. Двери, обитой облезлым кожаном, из дырок в котором во

все стороны торчала вата, перед ними тоже не оказалась. Зато была другая: голубая, крашенная обычной краской. Тут жила бабулька с третьего – хозяйка визгливого шпица.

Саша и Танька молча бок о бок поднялись еще на один этаж, никаких ступенек уже не считая. Четвертый. Они не говорили об этом ни разу: ни в тот день, ни потом. Интересно, помнит Танька или предпочла забыть?

* * *

Попутчик, насвистывая и сунув руки в карманы, болтался по улицам Темного Петербурга, на домах которых не было ни табличек, ни адресов, ни номеров. Ни тебе светофоров, ни спешащих учительниц с сэндвичами. Красота!

Небо над головой висело сумрачное, сине-фиолетовое, с пухлыми объемными тучами. Мойка текла в обратную сторону. В зеленоватой воде не отражались обступившие реку здания. Облезлый дворец, который люди на Светлой стороне называют Юсуповским, выглядел одиноко и жалко. Весь в стружьях облупленной желтой штукатурки, он гудел непрерывной музыкой сквозняка, которую исполнял проносящийся сквозь разбитые окна ветер.

– Здорово, Гришка. – Попутчик кивнул бородатому мужику, опершемся плечом о посеревшую колонну дворца.

– И ты здоров будь, милай, – бросил тот, пробуравив в ответ тяжелым взглядом из-под спадавших на лицо сальных патл.

Попутчик шагал, пока не надоело, потом щелкнул пальцами, и перед ним прямо из выщербленной каменной мостовой вырос приземистый домик.

– Перекрестки, перекрестки, – напевал он, переступая порог.

В прихожей зевнул и потянулся, почесывая пузцо в полосатой майке и удовлетворенно оглядывая себя в зеркало.

– Как там в Светлом? – спросил из единственной комнаты женский голос.

– Утро, бегут.

Он зашел в комнату. Жена сидела в кресле-качалке и вышивала, склонившись над круглыми пальцами. Рыжий кот спрыгнул с ее накрытых колючим пледом коленей и потерся о ноги Попутчика.

– Какие варианты? – спросил он и тут же опять запел: – Саша, Са-а-ашенька-а-а...

– Наш любимый, самый скучный. «Меня от чего-то уберегли. Наверное, кирпич бы на голову упал или машина сбита».

– Банальщина, – вздохнул Попутчик. – Стараешься, а они... Еще что есть?

– Наступила в дырку в простра... прстр...

– Пространственно-временной континуум, во! – подсказал Попутчик, с умным видом воздев палец. – Знаю дело, наступила. Тоже мне открытие.

Жена хитро улыбалась, продолжая ловко орудовать иголкой.

– Не томи, на чем она остановилась-то? – Попутчик отпихнул ногой назойливого кота.

Жена повернула к нему вышивку. На ней оказалась парочка, влюбленно глядящая друг другу в глаза. В девушке Попутчик сразу узнал Александру Федоровну – Сашу.

– А это что за тип? – сощурив глаз, спросил он.

– Так Матвей.

– Какой еще Матвей?

– Ну ты ее перебросил на переулок Матвеева.

– Куда? – переспросил Попутчик, повысив голос от удивления.

– А, ты не специально? Я думала, ты в курсе. Она как раз выбирала между Юрой и Матвеем, а тут...

Попутчик сложился пополам от смеха, не дав жене договорить. Перепуганный кот отскочил от хозяина и повис на шторах.

– Ох, не могу! – Он хлопал себя по коленям. – Матвеев переулок. Я ж не карта, откуда я знаю, в каком месте она с моего перекрестка выскочила. Ну люди, ну не могу...

– Люди ищут знаки и что угодно за них принимают. Тем более если сердце уже давно само все решило, – задумчиво сказала жена, заканчивая вышивать плечо неизвестного им Матвея.

Она слыла серьезным специалистом по человеческим привычкам и повадкам. Вон, целая полка в книжном шкафу – все книжки про людей, сплошь классика. «Криминальная психология переулков» Достоевского, «Квартирный вопрос: путеводитель по жителям Светлой Москвы в лицах» Булгакова, «Короткий срок отмерен гениям» Пушкина в соавторстве с Лермонтовым и тому подобное.

– Шутник ты у меня, – улыбнулась жена, ласково глядя на все еще ухохатывающегося Попутчика.

– Должность такая. Что я поделаю? – фыркнул он сквозь смех.

– Талант, талант! Работник года, как сказали бы люди! – воскликнула жена, всплеснув руками в преувеличенном восхищении. – Садись чай пить.